

7. Хайрюзов В. Стратегическая авиация России (Элвис Пресли) / В. Хайрюзов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Alexander Vasilevich — Doctor of History, Professor, Chairholder, Chair of History, Economic and Political Sciences, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

УДК 94(571.54)

В.П. ШАХЕРОВ

ББК 63.3(23Р5)

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ БЮДЖЕТОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Статья посвящена вопросам формирования бюджетной политики городов Восточной Сибири. Предметом исследования являются основные виды городских налогов, их эволюция во времени, соотношение доходной и расходной части.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, города, бюджет, налоги, городская недвижимость, недоимки, городское самоуправление.

V.P. SHAKHEROV

FORMING OF THE TOWNS' BUDGETS IN BAIKAL SIBERIA IN THE LATE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES

The article is devoted to the problems of forming the budget policy of the towns in Baikal Siberia. The subject of the research work is the main kinds of the towns' taxes, theirs evolution during the definite period of time, the correlation of revenue and expenditure.

Keywords: Baikal Siberia, towns, budget, taxes, town property, arrears, local government.

Становление городского самоуправления в России в XVIII в. было невозможно без финансового обеспечения его деятельности, которая отчасти удовлетворялась доходами с городских имуществ, но главным образом либо личными повинностями горожан, либо различными не-

регулярными сборами с них. «Города от предков наших и от нас самих, — провозглашала «Жалованная грамота городам 1785 г.», — не только для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть; умножая доходы государственные, устройством подают подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла» [10, № 16188]. Этим же документом юридически закреплялись за городскими обществами основные источники доходов, причем запрещалось их употреблять иначе, «как на законные городские расходы». Таким образом, городской бюджет стал важнейшим нововведением нового городского положения. До этого для удовлетворения городских нужд существовали только добровольные сборы с обывателей.

С ростом городов и укреплением городского самоуправления заметно расширяется городское хозяйство. Крупнейшим городом не только региона, но и всей Сибири, был Иркутск. Но даже для него острой необходимостью было расширение источников формирования городского бюджета. Город занимал не только территорию, застроенную обывательскими и казенными постройками. Ему была отведена также пашенная и выгонная земля, оброчные статьи, которые сдавались в аренду. Так, в 1790-х гг. не менее 602 десятин оброчных сенных угодий были в аренде у различных людей. Территория Иркутска и его окрестностей быстро росла. В конце 1780-х гг. городу было отмежевано около 2,5 тыс. десятин удобной земли и еще почти 1,5 тыс. десятин неудобной, занятой лесами и водами. К 1798 г. общая площадь городских земель выросла до 7,2 тыс. десятин [13, л. 1]. При новом межевании 1826 г. городу было отведено уже 10,8 тыс. десятин. Часть этих земель ежегодно сдавалась в аренду по цене от 25 к. до 2 р. за десятину. Также в подряды сдавалось содержание городских весов при рынках, подводная гоньба, оброчные рыбные статьи, перевоз людей и грузов через Ангару.

Важной доходной частью бюджета были сборы с торговых помещений. Иркутск отличала насыщенная инфраструктура. На городских рынках и площадях находились сотни лавок, шкафов, столов и балаганов. В общий бюджет поступали сборы с доходов трактирных и питейных заведений, постоянных дворов, доходы от извозного промысла и т.п. Одной из заметных статей доходной части городов был повозочный сбор с каждого воза с кладью, проследовавшего через городские заставы, и речных судов. Для Иркутска, как и для других городов, лежащих на основной торговой дороге, связывающей Россию с Кяхтой, сборы с транзитных обозов и дощаников ежегодно давали более десятка тысяч рублей. В 1817 г. дума подняла его до 1 р., считая его «для торгующего купечества, получающего от кяхтинского торгова большие выгоды, не только не отяготительным, но и весьма умеренным» [2, л. 108]. Объемы его неуклонно росли. Так, в 1828 г. он составил 13,7 тыс. р. [1, с. 370].

Иногда в городах региона возникали особые, присущие только им дополнительные бюджетные поступления. Таким, например, была акциденция в Кяхте — особый, добровольно вносимый в общую кассу сбор с каждого ввозимого ящика чая. Так, за счет сборов, которые платили при вывозе из Кяхты чая (по 15 к. с ящика кирпичного чая и 30 к. с ящика байхового) городская администрация собирала значительные суммы, позволявшие финансировать строительство социальных объектов и благоустройство города. В 1818 г. для покрытия городских расходов троицкосавское городское общество постановило взимать с товаров, привозимых из Кяхты в Троицкосавск сбор по 25 к. с воза. За эти деньги общество содержало дорогу между поселениями в «устроенном по возможности виде». В 1827 г. этот сбор прекратили собирать на основании распоряжения высочайшего начальства, что привело к ухудшению состояния дороги, и в 1836 г. этот сбор восстановили, правда, уменьшив его до 7 к. В итоге, он просуществовал до 1861 г. [3, л. 11–13].

Не менее половины всех поступлений в общий бюджет составляли различные сборы и повинности с городских жителей. Обременительными для горожан были сборы на содержание полиции, пожарной охраны, благоустройство города, постоянная повинность. До середины XVIII в. заботы о противопожарных мероприятиях и борьба с огнем были уделом самих горожан. С появлением полиции эта задача была возложена на городничих. По «Уставу благочиния» город делился на части и кварталы. В каждой части назначался частный пристав, при котором создавалась небольшая полицейская команда, в состав которой входил брандмейстер, или «огнегасительный» мастер. Также рекомендовалось заводить в городах пожарные заливные машины и другие инструменты, выносить за город ремесленные и промышленные заведения, использующие открытый огонь. По указу 1797 г. устройство пожарной части и вообще содержание полиции было отнесено к обязанностям городского самоуправления. Еще с 1780-х гг. в Иркутске появился свой пожарный обоз, представляющий собой большую бочку на телеге с заливными трубами. Пожарные машины выписывались из московского пожарного депо. В целях предупреждения пожаров иркутские городские власти предписали вывести кожевенные, мыловаренные заводы, кузницы и другие опасные производства за черту города. Все они были сосредоточены на правом берегу Ушаковки [7, с. 134–135].

Заметное улучшение пожарного дела произошло в начале XIX в. при гражданском губернаторе Н.И. Трескине. Он разработал специальную инструкцию по противопожарной безопасности, выписал несколько новых заливных машин. Во второй части города была построена новая пожарная часть с каланчой и теплым помещением для пожарных инструментов. В первой половине XIX в. в Иркутске в каждой части находилось по одной пожарной машине. Кроме того, при городской думе состояло еще

четыре заливных машины со всеми принадлежностями. Хотя собственной городской пожарной команды еще не было, ее функции выполняли полицейские служители при помощи местных обывателей. К середине XIX в. постоянные пожарные команды были только в Иркутске и Якутске. В 1851 г. троицкосавский градоначальник вышел на губернские власти с предложением создать полицейско-пожарную команду из 25 чел. за счет местных городских доходов [14, л 13об.]. В остальных городах региона полицейские и противопожарные мероприятия оставались натуральной повинностью горожан и выполнялись ими по очереди.

Из-за отсутствия в Сибири дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Купцов привлекали к оценке казенных товаров, работе в таможнях и магистратах, приему и продаже вина и соли, сбору подушных денег и т.п. Особенно тяжелы были службы, связанные с разъездами по губернии. Они требовали материальных и временных затрат. В наказе от Иркутска купцы указывали, что от тех дальних служб они лишаются «всей своей купеческой коммерции и в путевых поездках приемлют себе убыток». И это были не пустые слова. В 1760-х гг. из иркутского купечества ежегодно к различным службам привлекалось до 250 чел. Причем все службы, кроме магистратских, они несли собственным «коштом». В среднем, для заполнения всех вакансий ежегодно требовалось от 130 до 150 чел. Если вспомнить, что в Иркутске по официальным данным к 1766 г. насчитывалось всего 452 посадских двора, то количество служб впечатляет.

Помимо постоянного роста числа служб и выборных должностей год от года увеличивались издержки на содержание городского управления и хозяйства. В 1805 г. иркутское городское общество обратилось с жалобой на отягощение их службами и повинностями к полномочному послу в Китай графу Ю.А. Головкину. В частности, они жаловались на то, что должны содержать 59 лошадей для почтовой гоньбы. Из них — 37 в Иркутске, 16 — на Лиственичной станции и 6 лошадей на Тулунской. В этом же документе приводится перечень платежей в пользу города. Содержание магистрата и городской думы обходится в 6150 р., городских часов — 128 р., пробирного мастера — 72 р., полиции и пожарной команды — 2390 р., 39 будочников — 1404 р. Еще 1808 р. собиралось на ремонт пожарных инструментов и содержание лошадей. Заметную сумму в 3436 р. 50 к. составляли расходы на отопление общественных зданий, полиции, военных казарм. Еще 1550 р. предназначалось для содержания двух перевозов через Ангару. Прочие расходы достигали еще 4974 р. Всего же только на городские нужды собиралось с податного населения Иркутска 20 362 р. 66 к. В достаточно значительную сумму — 15 003 р. 79 к. обходилась городу подводная повинность. Кроме того, на различные нужды собиралось с мещанского и цехового обществ еще

2800 р. В результате расходная часть городского бюджета составляла до 38 166 р. 64 к. [15, л. 11].

Естественно, такой значительный бюджет мог иметь только самый большой и экономически развитый город Восточной Сибири. В других городских поселениях региона показатели были гораздо скромнее. Например, в таких городах, как Баргузин, Балаганск или Селенгинск, доходы не составляли даже тысячи рублей, зачастую уступая расходной части. В 1816 г. доходы городов Иркутской губернии составили около 45 тыс. р. Из них 80,5% приходилось на губернский центр. Остальные города были очень маломощны. В Троицкосавске, который жил только за счет обменной торговли с Китаем, доходы составили 2889 р. 92 к. В Верхнеудинске — 1617 р. 90 к. В Якутске с подведомственными ему ратушами Зашиверска, Средне и Нижнекалымска вся доходная часть составляла 3058 р. Остальные города губернии имели бюджеты менее тысячи рублей [16, л. 183]. Мещанское общество Нижнеудинска, составлявшее чуть более ста человек, неоднократно ходатайствовало о своем бедственном положении, вызывавшем значительные трудности в сборании средств на казенные и городские повинности. К 1840 г. доходы города составляли 1615 р. 82 к. и постоянно уменьшались. Их не хватало даже на содержание полиции и пожарной части [17, л. 84].

В первой четверти XIX в. некоторое сокращение доходов было вызвано значительным уменьшением купеческих капиталов. Одной из причин, наряду с общим ухудшением экономической обстановки в крае в период правления Н.И. Трескина, было увеличение сборов с купеческих капиталов, доходивших до 7 к. с объявленного рубля. С 1807 по 1823 г. только из иркутского купечества выбыло 144 капитала, из них всего 10 из-за смерти [4, л. 32–34]. Большинство потерь приходилось на самую многочисленную, но в то же время экономически нестабильную группу — купечество третьей гильдии. Ситуация стала меняться только в 1830-х гг. С 1838 по 1844 г. общее число купеческих капиталов региона выросло с 302 до 372, причем более быстро росла численность первых двух гильдий. Повышение гильдейских сборов положительно сказалось на динамике городских доходов. За этот период они возросли в Иркутской губернии более чем в пять раз. В 1835 г. все городские доходы губернии составили 125,7 тыс. р., расходы — 120,7 тыс. р. [18, л. 46–46 об.]. Необходимо отметить, что благодаря таким городам, как Иркутск, Троицкосавск, Верхнеудинск, бюджеты Байкальской Сибири были заметно больше, чем в соседних регионах. Так, например, города Енисейской губернии собирали в 3,3 раза меньше (39,1 тыс. доходов и 38,5 тыс. р. расходов). [18, л. 46]. К 1851 г. городские сборы по Иркутской губернии возросли до 187,2 тыс. р. серебром. Если же учесть официальный курс серебряного рубля (1 р. серебром составлял 3,5 р. ассигнациями), то эта сумма составляла 655,5 тыс. р. ассигнациями [14, л. 74].

На протяжении всего XIX в. наблюдался медленный, но стабильный рост городских бюджетов региона. Особенно быстро рос бюджет Иркутска. С 1816 по 1888 г. он увеличился почти в 24 раза, что, несомненно, отражало общую динамику его народонаселения и городской экономики. Иркутск вообще был самым богатым городом Сибири. Его доходная часть в 1844 г. составляла более 30 тыс. р. серебром, что в 1,3 раза превосходило сборы Томска (22,6 тыс.), в 3,7 раза Тобольска (8,1 тыс.) и в 5 раз Красноярска (5,9 тыс.) [5, с. 344–345]. Достаточно динамично рос бюджет Верхнеудинска. В 1830–1870-х гг. он увеличился почти в 5 раз [4, с. 36, 56]. При этом основная структура доходов и расходов города во многом соответствовала той, которая сложилась в губернском центре. Очень динамично развивался Троицкосавск, получивший в 1822 г. статус города. К середине XIX в. он фактически слился с Кяхтой, составив единое градоначальство с населением в 7,8 тыс. чел. [6, с. 141].

Более медленно развивались другие города. Одни из них так и не смогли оправиться после переноса городской застройки на новое место (Нерчинск, Селенгинск), другие только недавно были преобразованы из сельских поселений и не имели возможностей для быстрого роста. Так, образованные при создании в 1822 г. Енисейской губернии новые уездные города Минусинск, Канск, Ачинск, Туруханск «не имели ни той степени устройства, ни тех доходов, которые могли бы их поставить на степень городов» [19, л. 66 об.]. Но в целом даже в малых городах региона при всей нестабильности их экономического развития можно отметить некоторый рост доходной части. Если в Киренске в 1807 г. она составляла менее 1,5 тыс. р., то к 1833 г. достигла уже 9,8 тыс. р. Значительную часть доходов давали сборы с киренских и илимских мещан, процентные платежи с капиталов купечества, акциз с купцов и мещан, торгующих в городе не в ярмарочное время. Из расходных же статей почти 70% шло на содержание управленческого аппарата и полиции, на пожарную команду около 23%, на содержание перевозов — 5% [26, с. 54].

Следует отметить, что городские власти нередко прибегали к введению новых сборов и штрафов для пополнения доходной части. В 1842 г., например, городская дума Иркутска приняла решение о введении штрафа в 5 к. за бродячий по улицам скот. Собранные суммы направлялись на благоустройство города. В то же время власти очень неохотно шли на увеличение расходных статей. В том же 1842 г. специально образованный в думе комитет по благоустройству, рассматривая сенаторский указ об устройстве в губернских городах мостовых, посчитал излишним исполнять его в Иркутске, «ибо улицы здесь по твердому грунту земли состоят в хорошем положении» [20, л. 3].

К середине XIX в. городские расходы почти повсеместно превысили доходы. Города стали быстрее тратить деньги, чем накапливать. В 1851 г. недоимки составили по г. Иркутску 14 826 р. 88 к., по г. Ки-

ренску 332 р. 65 к., по г. Нижнеудинску 57 р. 66 к. [21, л. 24 об.] Такая же тенденция отличала и остальные города региона, за исключением Троицкосавска. Доходы от русско-китайской торговли позволяли ему не только безбедно жить, но и направлять значительные суммы на благоустройство города. В том же 1851 г. доходная часть его бюджета составила 22 220 р., а расходы всего 8856 р. 45 к. Остальные суммы пополняли запасной капитал города.

С другой стороны, власти требовали больших расходов на благоустройство пограничных Кяхты и Троицкосавска, считая, что это лицо российского государства. Так, в документах отмечалось, что новое монументальное каменное здание гостиного двора важно «для безопасности занимающимся оной торговлей, а не менее и для виду заграничным в благовидности и устройстве города» [22, л. 2]. Естественно, что для поддержания статуса центра русско-китайской торговли только городского бюджета не хватало. За пятилетие (1854–1858) его доходная часть составила в среднем 17 тыс. р., расходы же превосходили 16 тыс. Остаток был так незначителен, что город с начала своего существования до 1859 г. имел запасной капитал в 14 тыс. р. Еще в 1837 г. городское общество предложило в дополнение к городским сборам производить отчисления из пошлинных сборов. По закону это пособие предоставлялось местностям, где казна получала значительные пошлинные доходы (Анапа, Новороссийск, Одесса и др.) По подсчету купечества эта сумма могла составлять до 0,5% от всех пошлинных сборов. [3, л. 1–4 об.]. Из этих дополнительных сборов ежегодно тратилось до 19,5 тыс. р. на благоустройство города и до 14 тыс. р. на представительские расходы (общественные угощения во время праздников, прием китайских делегаций, встречи и проводы духовных миссий в Пекин и т.п.). В конце 1850-х гг. акцидентные суммы заметно увеличились и составляли до 51 тыс. р. в год. Из этих сумм оплачивалось содержание кяхтинского училища, пожарная команда, ремонт дорог, содержание общественных зданий и т.п. В статьях расходов были и совсем экзотические — на поддержание дружественных связей с Китаем (300 р.), на содержание оркестра (1,5 тыс. р.), на угощение приезжих чиновников и китайских купцов (6 тыс. р.), на коммерческих агентов в Пекине и других городах Китая (3 тыс. р.) [25, с. 196]. Некоторые современники ставили купцам в вину такое распределение средств, считая, что эти сборы должны действовать развитию торговли или направляться на улучшение дорог.

Городские власти и губернская администрация постоянно искали пути увеличения поступлений в городскую казну. В 1858 г., например, был предложен ряд мер по пополнению доходной части городов Иркутской губернии. Среди них — создание на Киренге оброчной рыболовной статьи, передача в оброчное содержание городских весов, введение акцизного сбора за причаливание и выгрузку на городской берег различных това-

ров, а также введение платы за провоз через город грузов на лошадях в зимние время. В Нижнеудинске предполагалось увеличить сборы с владельцев ремесленных мастерских, мелочных лавок, постоянных дворов, с проезжающих и торгующих по дороге предпринимателей. В Иркутске было предложено провести переоценку городской земли, находящейся под строениями, и увеличить сборы с пригородных территорий, отводимых под добывание песка, глины, камня, леса. Кроме того, вводились пошлины за использование берегов Ангары в черте города для складирования леса и других товаров, причаливание и зимовку судов. По предварительной оценке думы введение новых доходных статей должно было принести бюджету Иркутска до 7433 р. в год [23, л. 45 об.]. В целом эти меры способствовали стабилизации городских бюджетов региона.

Однако расходная часть городских бюджетов была более консервативна. По-прежнему большая часть расходов направлялась на административные нужды, в то время как затраты на социальное и культурное развитие городов были минимальны либо вообще отсутствовали. К 1851 г., например, регулярная полицейская команда из 108 нижних чинов была только в Иркутске. Во всех других городах, кроме Якутска, полицейские команды отсутствовали, а обязанности их, как и раньше, исполняли выборные от обывателей [14, л. 11 об.].

В полном забвении находилась медицинская часть. Сами губернские власти признавали, что «вообще медицинская часть в Восточной Сибири весьма недостаточно восстановлена, особенно в отдаленных ее пределах» [14, л. 108 об.–110]. На всю Восточную Сибирь приходилось всего 40 врачей, 5 частных и казенных аптек и 22 больницы. В том числе в городах Байкальской Сибири 12 больниц, которые могли принять в год до 1847 чел. [14, л. 108 об.–110]. На этом фоне настоящим оазисом выглядел Троицкосавск. В конце XIX в. в Троицкосавске и Кяхтинской слободе на 9,5 тыс. жителей было 11 врачей [6, с. 150]. Впрочем, как писал в свое время И. Попов, «в Кяхте все богаче и грандиознее...» [9, с. 68].

Во второй половине значительно возросла доля сборов с недвижимости в структуре городских доходов региона. Еще в 1831 г. натуральная постоянная повинность городского населения была заменена денежными сборами. В конце 1850-х гг. этот сбор превысил все другие поборы. Ежегодно для содержания и размещения все увеличивающихся воинских команд и офицеров требовалось до 20 тыс. р. В 1842 г. было принято положение, по которому квартирную повинность необходимо было выплачивать в соответствии с оценкой недвижимости, в которую включали не только жилые дома, но и торговые и промышленные помещения, огороды и незастроенные участки. Переоценка городской недвижимости должна была производиться каждые три года. С недвижимости, оцениваемой ниже 50 р., сбор не производился. Со стоимости остальных строений собиралось в зачет квартирной повинности до 1%. По первой оцен-

ке стоимость недвижимости Иркутска составила чуть более 2 млн р., что позволило внести в доход города 20 тыс. р. [24, л. 87]. К 1859 г. сумма на содержание военных возросла до 37,4 тыс. р., составляя в среднем до 15 р. на обывательский дом. В дальнейшем рост населения и города способствовал значительному увеличению стоимости его недвижимости. В 1881 г. она оценивалась в 6,8 млн р., а в 1904 г. составила уже 13,7 млн р. [11, с. 31]. Одновременно росли и сборы с оценки недвижимости. В 1884 г. Иркутская дума увеличила эти сборы до 10% с оценочной стоимости городского имущества. В 1897 г. налог с недвижимости составил в Иркутской губернии 54 тыс., Енисейской — 18 тыс., Забайкальской области — 20 тыс., Якутской — 6 тыс. р. [12, с. 378]. Сборы с городской недвижимости превосходили реальные затраты на содержание военных команд, поэтому излишки поступали в городской запасной капитал наряду с пожертвованиями и использовались для экстраординарных расходов.

Таким образом, становление бюджетной политики городов Байкальской Сибири было теснейшим образом связано со спецификой их развития и хозяйства. Изменения в структуре городских бюджетов, с одной стороны, проявлялись в тенденциях к росту доходов и постепенному смещению источников пополнения городской казны от прямых сборов с населения к поступлениям от торговли и имущества. С другой стороны, расходная часть бюджета отличалась консервативностью и устойчивостью своей структуры. По-прежнему крайне невелики были ассигнования на развитие социальной и культурной сферы городов. Недостаточное бюджетное финансирование сдерживало инициативу городского общества и не давало в полной мере реализовать возможности городского управления. В результате деятельность городских органов власти была направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию города.

Список использованной литературы и источников

1. Богашев В. Иркутск в статистическом отношении / В. Богашев // Сын Отечества. — СПб., 1833. — Т. 35.
2. ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 138.
3. ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. К. 2305. Д. 18.
4. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2340.
5. Дитятин И. Устройство и управление городов России / И. Дитятин. — Ярославль, 1877. — Т. 2.
6. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) / А. А. Жиров // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. — 321 с.
7. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). — Иркутск, 1911.
8. Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ / Н. В. Ким. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1966. — 114 с.

9. Попов И. И. Минувшее и пережитое / И. И. Попов. — Л., 1924. — Ч. 2 : Сибирь и эмиграция.
10. ПСЗРИ-1. Т. ХХП, № 16188.
11. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 560 с.
12. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Н. С. Романов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. — 544 с.
13. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 174.
14. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 154.
15. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 578.
16. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46.
17. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1051.
18. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1128.
19. РГИА. Ф. 1281. Оп. 2. Д. 27.
20. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 595.
21. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 86.
22. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6805.
23. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664.
24. РГИА. Ф. 1287. Оп. 42. Д. 75.
25. Стахеев Д. Кяхта / Д. Стахеев // Живописная Россия. — СПб. ; М., 1895. — Т. 20. — Ч. 1 : Восточная Сибирь.
26. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII — первой половине XIX в. / В. П. Шахеров. — Иркутск : Оттиск, 2000. — 337 с.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: wodalis@yandex.ru.

Author

Shakherov Vadim Petrovich — PhD in History, Associate Professor, Chair of History of Russia, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., Irkutsk, 664025, e-mail: wodalis@yandex.ru.